

И. А. Голутвин

ВОСПОМИНАНИЯ О В. И. ВЕКСЛЕРЕ

Судьба одарила меня встречами со многими выдающимися учеными. Особенное влияние на формирование моих научных интересов и стиля работы, безусловно, оказало знакомство с Владимиром Иосифовичем Векслером. Мне посчастливилось восемь лет работать в созданной им Лаборатории высоких энергий ОИЯИ, когда он был ее директором.

В лаборатории Векслер собрал коллектив молодых талантливых ученых. Большинству руководителей экспериментов и проектов в то время не было и тридцати. А ведь именно при Векслере «возникли» такие широко известные ученые, как И. А. Савин, В. П. Саранцев, В. А. Свиридов и др. Огромную роль в формировании этого коллектива играл И. В. Чувило — ближайший помощник Владимира Иосифовича.

Удивительно творческая и доброжелательная атмосфера царила в нашей лаборатории. Все были увлечены работой, никто не стремился занять должности и посты, а если кто-то и находился, то это сразу же получало соответствующую оценку. Непоощрение чиновничества, карьеризма, наущничества и интриганства создавало обстановку комфортности и уверенности в завтрашнем дне.

С Векслером можно было говорить о чем угодно и как угодно, не опасаясь последствий. Вообще говоря, физики могли всегда обратиться к Векслеру по любому вопросу, несмотря на его огромную занятость.

Вспоминая начало 60-х годов, я вижу, что главными критериями для Векслера при назначении на руководящие должности были талант ученого и полученные им научные результаты, и это было неизмеримо выше всех политических и верноподданнических мотивов. Тогда, в той обстановке, это казалось совершенно естественным. К сожалению, позже я не раз имел возможность убедиться, что это крайне редкое в наше время явление. Немало времени прошло, прежде чем мы по достоинству оценили уникальные человеческие качества великого ученого.

В 1963–1964 гг., когда зарождалось сотрудничество ЦЕРН и ОИЯИ, Векслер предложил мне поехать в ЦЕРН на год с семьей. Мне не очень хотелось надолго покидать Дубну, так как в то время мы с Юрием Заневским и другими сотрудниками моей группы были захвачены идеей создания стандартных электронных схем совпадений на транзисторах. Работы в то время были пионерскими и позволяли существенно расширить возможности сцинтилляционных и черенковских детекто-

ров в экспериментах на синхрофазотроне. Векслер хорошо знал об этих работах, следил за ними и всячески поддерживал. Он сразу же уловил мое настроение, очевидно, оно резонировало с его собственным характером, и тут же предложил компромисс — сократить время командировки до полугода, чтобы меньше времени было потеряно для работы в Дубне. Правда, с семьей на такой срок выезжать не разрешалось.

В то время оформление заграничных командировок было намного сложнее, чем сейчас. Решение о выезде принималось после ряда бесед с ответственными руководителями Министерства, которое курировало ОИЯИ. Когда меня вызвали в Главатом и я появился в приемной одного из его руководителей, секретарь сразу соединил меня по телефону с В. И. Векслером. В своей неповторимой манере он сказал, что ему пришла в голову блестящая и очень оригинальная идея. Она заключалась в том, чтобы сократить срок командировки до трех месяцев за счет более интенсивной работы в ЦЕРН. Задание его при этом оставалось прежним — после возвращения создать в Дубне методику эксперимента не хуже, чем в ЦЕРН. Поскольку Владимир Иосифович был абсолютно уверен в моем согласии, он уже дал соответствующие указания, пока я ехал из Дубны в Москву. В результате все так и получилось. Думаю, что нашей группе удалось выполнить задание директора.

Как я уже отмечал, в векслеровской лаборатории царил дух увлеченности, работали мы днями и ночами, практически без отдыха и были нетерпимы к любым задержкам в работе. Однажды мне показалось, что в мастерских ЛВЭ волеют с выполнением моего заказа, который мне казался, естественно, важнее всех других, и я, зная хорошее отношение Векслера ко мне и моей работе, пошел к нему жаловаться. Векслер очень внимательно меня выслушал и попросил своего секретаря Зою Иосифовну вызвать начальника мастерских. Вопреки моим ожиданиям он не стал устраивать разнос, а попросил меня повторить сказанное в присутствии приглашенного и сказал несколько слов, из которых я понял, что поведение мое недостойно... Несколько дней я ужасно переживал, но никогда в жизни после этого не жаловался на своих коллег вышестоящему начальству. Векслер, что характерно для него, прекрасно понимал мое состояние и через несколько дней уже очень тепло беседовал со мной о планах моей работы.

В 1966 г. в Объединенном институте создавалась новая лаборатория — вычислительной техники и автоматизации. Я тесно сотрудничал с ее основателями — М. Г. Мещеряковым и особенно с Н. Н. Говорунном, с которым нас связывали еще и теплые дружеские отношения. Мне предложили перейти в новую лабораторию. В то время моя группа работала в тесном контакте с экспериментальным отделом ЛВЭ, возгла-

вляемым В. А. Свиридовым. Естественно, мне не хотелось прерывать исследования, которые весьма успешно развивались. Наши работы получили уже признание в нашей стране и за рубежом. Однако давление дирекции института, настаивавшей на переходе всего нашего коллектива в ЛВТА, было слишком сильным, и я обратился за советом к Векслеру. В то время он уже тяжело болел, и функции директора ЛВЭ исполнял И. В. Чувило. Беседа наша была долгой. Векслер рассказал мне многое из его жизни и на собственном примере показал, что главное в науке — не терять времени на все, что мешает конкретным исследованиям. А дела у меня, по его мнению, идут успешно, и не надо ничего менять. Он посоветовал оставаться в ЛВЭ: «Здесь Вы на месте». Эта наша встреча была последней, вскоре В. И. Векслера не стало. Я благодарен Владимиру Иосифовичу за его совет и до сих пор стараюсь ему следовать.

Спустя десять лет после кончины В. И. Векслера я услышал одну историю, связанную с его именем, которая показалась мне интересной. Летом 1975 г. я участвовал в торжествах по поводу продления договора о сотрудничестве между ЦЕРН и Главатомом. На обеде присутствовали пять генеральных директоров ЦЕРН — три бывших и два действующих (ЦЕРН в то время состоял из двух лабораторий). Я знал, что у Дж. Адамса, в то время генерального директора ЦЕРН-2, известного ученого, создавшего целый ряд крупнейших ускорительных комплексов, есть сын — Дж. Адамс-младший, архитектор. Будучи в дружеских отношениях с Адамсом-отцом, в качестве подарка от нашей делегации я выбрал прекрасно изданный двухтомник, посвященный советской архитектуре. Адамсу-старшему подарок очень понравился, ему было особенно приятно, что мы в курсе его семейных интересов. Произнося официальный тост, он рассказал, как началось сотрудничество в ядерных исследованиях между Западом и Востоком.

В сентябре 1955 г. В. И. Векслер в составе советской делегации участвовал в первой международной конференции «Атом на службе мира» в Женеве. В его честь Дж. Адамс устроил у себя дома прием, на который были приглашены ученые ЦЕРН, СССР и США. Сначала русские и американцы сгруппировались в противоположных углах. Адамс-младший, тогда еще ребенок, перебежал от одной группы к другой, и в конце концов через него установилось оживленное общение, перешедшее в общую беседу. Таким образом, обобщил эти воспоминания Адамс-отец, наш подарок подтвердил историческую роль семьи Адамсов в установлении сотрудничества между Западом и Востоком.

В ЦЕРН среди многих улиц, названных именами выдающихся физиков, одна носит имя Дж. Адамса, другая — В. И. Векслера.